

№ 1.

Впередь, — туда, где лучь развѣтла
 О близкаго солнца тоборитъ,
 Тамъ блещетъ ижанаго привѣтла
 Заря прекрасная горитъ!

Туда, — впередь, — идѣ свѣта многа,
 Тамъ блещитъ въ небѣ антари, —
 Въ страну невѣдомую бога,
 Въ отчизну саднца и зари.

Туда, впередь, въ отчизну эту!
 Идетъ на кунѣ стоить драконъ,
 Идетъ все стреляющее къ сѣбѣ ту,
 Ищетъ, сжимаетъ, душитъ онъ...

Но человекъ не связанъ страхомъ
 И — юрдай енаю едой —
 Онь поднимаетъ грознымъ взмахомъ
 Облачки порванныхъ чѣпей.

А. М. Мухоморовъ

НАУЧНО-ИЗЫСЛОВАТЕЛЬСКИЙ
 ИБЛИОТЕКА
 СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБЛАСТНОГО
 МУЗЕЯ

Рубинъ.

Легенда.

Загрустил, закрылся тучами
Славный, древній царь—Ураль,
Межь озерами и кручами,
Межь покрытыхъ лѣсомъ скаль.

Цѣлый годъ его владѣнія
Заливаетъ всюду кровь;
Съ дикимъ воємъ озлобленія
Топчетъ вражья сила «новъ».

Стонуть сосны вѣковѣчныя
Надъ чертогами царя.
Птицы пѣвчія безпечныя
Улетаютъ за моря.

И окрасились кровавою
Огне-пламенной струей
Воды плавно-величавыя
И шумять теперь волной.

Тьма, болотами ползущая
Дерзко ищетъ путь къ горамъ
И—злорадная, гнетущая—
Хочетъ свергнуть свѣтлый храмъ.

И Ураль, наполненъ думами,
Какъ разсѣять эту тьму,
Смотритъ взорами угрюмыми
На подвластное ему....

Вдругъ онъ словно всникнулъ пламеннымъ,
Грудь сжигающимъ огнемъ,
Надъ утесомъ грознымъ каменнымъ
Царь взмахнулъ своимъ мечомъ.

Царь ударилъ съ страшной силою
Громче грома грянулъ трескъ,
Надъ долиною унылою
Заалѣлъ кровавый блескъ.

И извлекъ рукою твердою
Изъ невѣдомыхъ глубинъ
Царь Ураль,—красою гордою
Ярко-блещущій рубинъ...

Кровь, проникши въ нѣдра горныя,
Обратилася въ кристалль
И сквозь мракъ и тучи черныя
Дивный свѣточъ заблесталъ.

Переливами сверкающей,
Какъ весенняя заря,—
Тьму прогналъ рубинъ, блистающей
Въ золотомъ вѣнцѣ царя.

Борисъ Вѣрихъ.

Какъ они сговорились.

Разсказъ.

Крестьянинъ Спиридонъ Бѣлкичъ три года уже живетъ въ городѣ въ качествѣ водовоза. Ремесломъ этимъ онъ занимается не отъ себя лично, а отъ мѣщанина Кириллова, который нѣсколько лѣтъ подрядъ доставляетъ воду обывателямъ и находитъ, что они должны быть ему «по гробъ благодарны», такъ какъ вода всегда доставлялась всемъ исправно и во время.

— У меня, братъ, дѣло поставлено... Хотя на себя лей... И въ баню бери и въ комнаты... Это, сдѣлай милость, всегда во время... И работники у меня народъ подходящий... Все молодцы!...

Если кто-нибудь ему осторожно напоминалъ, что бочки у него гнилыя и что нужно ихъ переменить—тогда мѣщанинъ Кирилловъ краснѣлъ, какъ ракъ, вплоть до самой шеи, и говорилъ:

— Понимаете вы, съ позволенія сказать, столько-же, сколько чортъ въ ладанѣ!. Отъ новой бочки вода всегда пахнетъ... Нда-съ... И чаю вы никогда не попьете, какъ слѣдуетъ... Мы, слава-те Господи, самой игуменьѣ воду доставляемъ, да хоть-бы что когда... Новую бочку захотѣлъ... «Чудаки!»

Вотъ у этого Кириллова и служилъ въ работникахъ крестьянинъ Бѣлкичъ три года. Былъ онъ человекъ высокій, сильный и кривой. Говорилъ крайне мало, безпрестанно сосалъ трубку и, когда ему давали на чай, онъ угрюмо дотрагивался до шапки и бурчалъ:

— Благодаримъ...

Мѣщанинъ Кирилловъ дорожилъ имъ. Разъ, подъ веселую руку, когда у него сидѣли гости, онъ сказалъ:

— Спиридонъ у меня золото... Работникъ хоть куда. А главная причина, другъ мой, въ томъ, что онъ молчитъ... Ты его хоть заругай до смерти, хоть дай ему въ рожу—ухомъ не ведеть... Курить да молчать. Другой, вѣдь, супротивникъ, дьяволъ! Ты ему разъ—онъ тебѣ два, ты ему слово—онъ тебѣ десять! А отъ этого и раздраженіе можно получить и здоровью вредъ нанести. Этакъ, я отъ одного работника чуть въ гробъ не ушелъ, чуть параличъ меня не хватилъ... Нда-съ... Ну-ка, Спиридонъ Карпычъ, вышей рюмочку...»

Спиридонъ молча взялъ рюмку, выпилъ и пробурчалъ:

— Благодаримъ... А въ рожу, всетаки, не дамъся хозинчу...»

Мѣщанинъ Кирилловъ удивился.

— Какъ это такъ?

— А такъ... Времена нынѣ не тѣ стали... Самъ тяну—только держись...

Мѣщанинъ Кирилловъ понурилъ голову, долго молчалъ и, наконецъ, проговорилъ:

— И этотъ гдѣ-то испортился... Ловко отвѣтилъ, да еще при гостяхъ хватилъ... Хорошо, вотъ, гости-то свои люди: а то-бы сканфузилъ... Ну времечко пришло!

Обыкновенно, Спиридонъ вставалъ рано, чуть свѣтъ запыгалъ стараго, избѣжаннаго мерина и выѣзжалъ на цѣлый день. Возвращался вечеромъ усталый, угрюмый и молчаливый. Поѣсть—и тотчасъ-же ляжетъ спать. Утромъ рано опять запыгаетъ мерина. Такъ шла жизнь.

Однажды, ему пришлось возить воду въ новое мѣсто. Воды сюда требовалось для чего-то много, мѣщанину Кириллову платили вдвое и Спиридонъ, обыкновенно, ѣздилъ сюда съ водой два раза въ день.

Воду изъ бочки вытаскивала дѣвица, на которую Спиридонъ неволью почѣму-то обратилъ вниманіе. Ей было лѣтъ тридцать пять, она была здорова, широка въ плечахъ и красива. Вытаскивая разъ воду изъ бочки, она спросила вскользь Спиридона.

- Изъ какой деревни будете?
- Изъ Зубровки...»

Она остановилась и покраснѣла.

- Землякъ, стало быть, будете...
- А вы откуда?» спросилъ Спиридонъ.

— Изъ Коневой... Рядомъ съ Зубровкой... Всего три версты...»

Лицо у Спиридона просвѣтлѣло. Онъ усиленно затанулся изъ трубки и спросилъ:

- Давно въ городѣ живете?
- Три года...
- А какъ васъ зовутъ?
- Василисой...
- А по батюшкѣ?
- Ивановой...

Помолчали.

— Тоска нвой разъ бываетъ...—«заговорила Василиса, глядя въ ведро. «Не знаю, какъ васъ, а меня такъ домой тянетъ... По веснамъ какъ-то больше...»

Она посмотрѣла на крыши, гдѣ свистѣли скворцы, и добавила:

- У насъ теперь, навѣрное, рѣка пошла...

Спиридонъ улыбнулся.

— Чего говорить... Здѣсь, вотъ, въ городѣ и весна совсѣмъ не такая... Гниль какая-то... Эхъ, какъ она у насъ теперь играть!..

- У васъ, что-же, родные есть? спросила Василиса.
- Одинъ... Какъ есть бобыль!.. А у васъ какъ?
- Я тоже одна... Никого у меня нѣтъ... Ну, до свиданья!..
- До свиданья!..

Послѣ этого случая, Спиридонъ съ особенныхъ удовольствій завертывалъ съ водой въ новое мѣсто. На дворѣ онъ старался быть дольше и Василиса, замѣтно, не торопилась таскать воду на кухню. Змякъ, видимо, ей нравился, несмотря на его угрюмой и неказистый видъ. Они подолгу говорили о своихъ деревняхъ и Василиса откровенно заявила, что ее страшно тянетъ домой, но только не находится подходящаго «подутчика».

Въ серединѣ мая, когда весна была въ полномъ разгарѣ, когда особенно тянуло куда-то на волю, Спиридонъ, однажды, заявилъ Василисѣ, что сегодня онъ воду привезъ въ послѣдній разъ и что онъ идетъ...

- Куда-же это вы?

— А куда-нибудь... Можетъ, и лучше найдемъ мѣсто... Возишь, возишь воду у этого дьявола!.. Все здоровье измыгалъ... А онъ только ругается. И я дуракъ: вѣдь плотничное ремесло знаю... Привязался къ этому дьяволу!.. Нѣтъ, уйду... Конечно!..

Василиса вдругъ начала тяжело дышать. Спиридонъ, замѣтно, тоже сильно волновался, отчаянно курилъ и старался не глядѣть на Василису.

- Такъ какъ-же это, Спиридонъ Карпычъ? Идете?
- Иду...

Василиса вздохнула.

- Ну, что-жъ... Съ Богомъ... Видно, я только...

Она не договорила и вдругъ заплакала.

— Тоже цѣлый день маешься... Съ утра до вечера.. Это подай, то не ладно... Три года маюсь тоже... Сама-то цѣлые дни на кровати лежить... Кромѣ «дуры», никакого названія не имѣю... Кабы попутчикъ!..

- Такъ вы что, Василиса Ивановна? Идемъ вмѣстѣ...

— У меня никого нѣтъ...

— И у меня нѣтъ... А если... того... къ примѣру... да въ церковь: сразу двое и будетъ... Оно, конечно, и у меня никого нѣтъ... Вотъ тогда сразу двое и будетъ... Вотъ и родня будетъ...

Василиса вспыхнула.

- Я, вѣдь, ужъ не молодая, Спиридонъ Карпычъ...

— Гм... И я ладно... Вотъ глазу одного нѣтъ... Это ничего... Такъ идемъ, Василиса Ивановна?

- Что-же... Хорошо... Не брезгуете, такъ я согласна...

Дня черезъ три послѣ этого, Спиридонъ и Василиса, въ яркое утро, шагали за городомъ, съ котомками за плечами. Солнце заливало молодые листья деревьевъ золотымъ потокомъ, звонко чирикали птицы, и людскіе голоса на дорогѣ сливались съ звучнымъ грохотомъ колесъ. Версты за четыре отъ города начиналась степь, длинная, пахучая, влажная, съ могучимъ и вольнымъ вѣтромъ. Потонувшая въ цвѣтахъ и птичьихъ пѣняхъ, она звала къ себѣ безграничнымъ просторомъ и блескомъ, гордой жизнью и волей... И хотѣлось жить, хотѣлось бороться съ кѣмъ-то и бодро шагать впередъ—къ лучезарной и влажной степи...

Въ одномъ мѣстѣ Спиридонъ не вытерпѣлъ. Остановился, дохнулъ трубкой и звучно ударилъ Василису по плечу. И крикнулъ ей оглушительно и весело въ самое ухо:

- Отдѣлались! На свои харчи идемъ!

И оба радостно захохотали...

А. Туркичъ.

Изъ пѣсенъ голода..

Простить его?..его, когда я голодалъ
Въ прозившей рушиться нетопленной избенкѣ,
Когда отъ голода я съ ужасомъ рыдалъ
И билъ озлобленно голоднаго ребенка?..
А онъ?.. онъ въ эти дни, небрежно развальный
На креслѣ бархатномъ и въ бархатной гостиной,
Сидѣлъ среди гостей, болтая и смѣясь,
И вѣжился въ теплѣ, у пламени камина...
Онъ столъ изысканный шампанскимъ запивалъ,
Онъ ночи прожигалъ съ продажною бабенкой,
А я...я на дрова заборы разбиралъ,
Прощался навсегда съ послѣдней лошадежкой...
Онъ свѣжій хлѣбъ, онъ лакомства бросалъ
Съ богатаго стола балованной собакѣ;
Я-жъ съ горя шелъ въ кабакъ и дни потомъ лежалъ,—

Голодный и больной, избитый въ пьяной дракѣ...
Простить его?.. Нѣтъ, не было ужъ силъ!
Пускай въ тюрьму ведетъ моя дорога...
Туда меня онъ гналъ,—ему я отомстилъ...
Хоть отдохнуть въ тюрьмѣ!.. Нестрашно мнѣ острога...

Ну, что-жъ?!.. Ведите, что-ль!.....

Н. Новиковъ.

У входа въ храмъ науки.

Сттиски.

Удивлялся я,— что значить:
 Словно чуя близко медь,
 Брейзеръ пляшетъ, Брейзеръ скачетъ,
 Брейзеръ пѣсенки поетъ...
 Удивлялся и тому я,
 Что одинъ добрыйшій врачъ
 Похудѣлъ совсѣмъ, толкуя
 Смыслъ общественныхъ задачъ.
 Какъ бы тѣшась и играя,
 Виѣпартійный жилъ кружокъ,
 И дошелъ совсѣмъ до края,
 И кумировъ прежнихъ сжегъ.
 Что за люди! что за хваты!
 Что за милый шумъ и гамъ!
 Что за дивные дебаты
 Раздавались часто тамъ!
 «Нужно, нужно обновиться
 Нашей думѣ городской...
 Но на комъ остановиться?»—
 Разсуждали всѣ съ тоской.
 Все забывъ въ пылу дебатовъ,
 До утра проговорятъ
 И—посмотришь—кандидатовъ
 Выставляютъ цѣлый рядъ.
 А потомъ, подъ руководствомъ
 Доброхотнаго врача,—
 Съ гордымъ видомъ, съ благородствомъ
 Объяснялись сгоряча.
 Кромѣ фразъ необходимыхъ,—
 Брейзеръ рѣзалъ, какъ кинжалъ,
 И скамьею подсудимыхъ
 Конкурентамъ угрожалъ.
 Стародумцы той порою
 Къ цѣли шли исподтишка,
 Ухмыляясь надъ игрою
 Виѣпартійнаго кружка.
 Межъ собой оставшись въ мирѣ,
 Чтобъ втереть другимъ очки,
 У сосѣда на квартирѣ
 Собирались «старички».
 Собирались мукомолы,—
 Стародавніе кушцы,
 И повюхавшіе школы
 Мукомольные юнцы.
 Тутъ же были кандидаты
 На общественныхъ дѣльцовъ,
 Ожидающіе платы
 И дохода отъ кушцовъ.
 Ахъ, такую бы картину
 Я охотно увидалъ...
 Что-жъ?! попробую—откину
 Уголочекъ покрывалъ.

Вѣрно, скромно, по старинкѣ,
 Были яства на столахъ;
 Рѣчи шли о хлѣбномъ рынкѣ
 И общественныхъ дѣлахъ.
 Вотъ они сидятъ за дѣломъ—
 Пожираютъ осетра...
 Точно всѣ покрыты мѣломъ...
 Но разгадка не хитра:
 Вы бы въ этомъ отпечаткѣ
 Ихъ узнать легко могли:
 Это все князья крупчатки
 И мучные короли.
 Типы съ улицы Уктусской
 Тутъ вели, навѣрно, рѣчь
 О возможности кутузкой
 Зло крамольное пресѣчь.
 Говорили, что въ зачаткѣ
 Нужно вырвать это зло,
 Что кому-то на крупчаткѣ
 Очень сильно повезло...
 Разсуждали дѣловито,
 Съ нѣжнымъ видомъ голубей,
 О закрытіи кредита
 И о цѣнахъ отрубей...
 Прекративъ затѣмъ безъ шума
 Разговоры о мукѣ,—
 Утѣшались всѣ, что дума
 Будетъ снова въ ихъ рукѣ.
 Обыватель можетъ плакать,
 Обыватель можетъ выть:
 Продавать на рынкѣ мякоть,—
 Все-жъ не значить мягкимъ быть!
 Но, хотя и за закуской,
 Все-жъ мучные короли
 Съ черной улицы Уктусской
 Агитацію вели.
 Подчиняясь страсти модной,
 Получить надумалъ плюсъ
 Всесловный, всенародный,
 Всеекозицынскій союзъ.
 Кандидатовъ— вотъ такъ чудо!—
 Оказалось безъ числа...
 Гдѣ ихъ взяли, и откуда
 Къ намъ ихъ буря занесла?
 Стала лишней сила глотки...
 Покатились чернячки...
 Тамъ и тутъ въ свои бородки
 Ухмылялись «старички».
 Безо всякаго изгиба
 Дѣло шло прямымъ путемъ...
 «Доброхотовъ?.. Нѣтъ, спасибо!
 И получше мы найдемъ!..»
 Не по разуму кто рвался,—
 Такъ надъ тѣмъ, махнувъ рукой,
 Избиратель издѣвался:
 «Экій... Брейзеръ ты какой!..»

Подираль морозъ по кожѣ:
 Можно-ль оближнихъ такъ терзать?!
 «Милій другъ» Домашневъ тоже
 Огорченъ былъ, такъ сказать.
 И для многихъ былъ печаленъ
 Показатель выборовъ:
 Коробейниковъ — проваленъ
 И Зубрицкій — безъ шаровъ.
 Самъ Семеновъ очень ловко
 Подбирался къ пирогу,
 Но его баллотировка
 Возвратила къ сапогу.
 Въ результатъ грозной схватки
 Потерпѣли всѣ кружки,
 И остались въ осадкѣ,
 Главнымъ образомъ, «дружки.»
 Ба! знакомыя все лица!..
 Мраку прошлаго подъ стать,
 Ихъ «уральская столица»
 Будетъ гласными считать.
 Дѣло снова завязалось:
 Что надѣлаютъ, — смотри!
 Всѣхъ полсотни оказалось
 Да еще вдобавокъ три.
 И изъ этихъ думскихъ членовъ
 Выдвигается сперва
 Господинъ Анфиногеновъ,
 Городекой нашъ голова.
 Безъ руля и безъ вѣтрила
 Бѣдный городъ онъ ведетъ,
 Но зато паникадила
 Съ тонкимъ смысломъ продаетъ.
 Своего онъ чуждъ почина,
 Не взлетаетъ въ небеса,
 Но зато для магазина
 Изобрѣлъ «свой» вѣса.
 Списокъ гласныхъ такъ сработанъ,
 Что прельщаетъ хоть кого...
 Гдѣ же Бицковъ?.. Да вотъ онъ!
 Какъ же можно безъ него!
 Если думу, по старинкѣ,
 Признавать за граммофонъ,
 То, конечно, роль пластинки
 Исполнять обязанъ — онъ.
 Но, теперь, Магницкій гдѣ же?...
 Вотъ онъ, гласный старыхъ лѣтъ!
 Говоритъ онъ нынче рѣже,
 Да, вѣдь, это — не во вредъ!
 Люди выбраны удачно, —
 И увидимъ мы опять,
 Какъ Падучевъ будетъ мрачно
 На посту своемъ стоять.
 Кто-жъ еще тутъ изъ хозяевъ
 Неземныхъ городскихъ?
 Ба, да вотъ отъ, — Ермолаевъ,
 Вѣчно — скроменъ, вѣчно — тихъ.

И Михайловъ тутъ въ артели,
 Но другимъ онъ — не чета:
 Онъ умѣетъ въ каждомъ дѣлѣ
 Подводить свои счета.
 Вотъ еще изъ ветерановъ —
 Не угодно ли взглянуть? —
 Округлившійся Степановъ
 Улыбается чуть-чуть.
 На лицо — составецъ бывший!
 Имена ихъ духъ бодрятъ...
 Вотъ Фальковскій, возлюбившій
 Ото всей души «подрядъ».
 За любителемъ подрядовъ
 Замѣчаемъ мы врача:
 Нужды города Догадовъ
 Лѣчитъ, истинно, съ плеча.
 Отъ догадовскихъ «аллюровъ» —
 Очень сильный переходъ:
 Какъ извѣстно, Агафуровъ
 Говоритъ пол-фразы въ годъ.
 Не теряетъ для рассказовъ
 Ни минуты дорогой
 Господинъ кунецъ Злоказовъ
 (Какъ одинъ, такъ и другой).
 Дальше Симановъ, конечно,
 Будетъ въ думѣ засѣдать,
 Но одинъ... «Ничто не вѣчно!» —
 Можно съ грустью тутъ сказать.
 Не пролью я слезъ напрасныхъ,
 Но — увы! — другого нѣтъ:
 Тотъ «пѣвецъ во станѣ гласныхъ»
 Избирателемъ отпѣтъ!
 Не смутить сіе лишенье
 Нашихъ гласныхъ городскихъ:
 Остается въ утѣшенье
 Баритонъ еще у нихъ.
 Противъ Беренова строго
 Ничего нельзя имѣть:
 Онъ сказать не можетъ много,
 Но умѣетъ много пѣть.
 Вслѣдъ за тѣмъ, — сюжетъ прекрасный:
 Кромѣ Беренова, здѣсь
 Будетъ теноръ сладкогласный
 Воплощать живую спѣсь.
 Этимъ самымъ явно выдавъ
 Свой характеръ, такъ сказать, —
 Передъ гласными Давыдовъ
 Будетъ «вывѣской» блистать.
 Впрочемъ, думѣ, несомнѣнно,
 Эти лица не вредятъ:
 Въ ней пѣвцы, обыкновенно,
 Ни поютъ, ни говорятъ.
 Эта странная повадка
 Хороша въ моихъ глазахъ, —
 Такъ какъ въ думѣ недостатка
 Все-жъ не будетъ въ голосахъ.

Если Бибиковъ устанетъ
 И Магницкій замолчитъ,—
 То Кожевниковъ нагрянетъ
 И враговъ разоблачитъ.
 Не пугаясь разныхъ «присныхъ»,
 Налетая, какъ гроза,—
 Мастеръ дѣль иконописныхъ
 Всѣмъ распишетъ образа.
 А ораторъ не—кромольный,
 Ивановъ (одинъ изъ двухъ)—
 Будетъ рѣчью мукомольной
 Вышибать изъ гласныхъ духъ.
 Не желая быть за дверью
 И отъ прочихъ отставать,—
 Будетъ Щипановъ къ довѣрью,
 Точно Витте, призывать.
 О значеніи русской плетки
 Пару самыхъ черныхъ фразъ
 Корольковъ—король селедки—
 Незначай сболтнетъ какъ разъ.
 Будетъ Ветошевъ стараться
 Повторять сто разъ одно,
 И Камнацкій, можетъ статья,
 Говорить начнетъ умно.
 Отъ «язычества» пустого
 Невозможно всѣхъ унять:
 То Круковский скажетъ слово,
 То Ошурковъ скажетъ пять.
 Но игра пойдетъ иная,
 Если взять для образца
 Бѣленькова Николая
 Или Шишкина—купца.
 Странно имъ завести шарманку,
 Чуждъ имъ «гласности» приливъ;
 Первый дѣйствуетъ въ молчанку
 И второй—не говорливъ.
 Ивановъ (другой)—усилій
 Не приложитъ ни къ чему.
 Будетъ Береновъ Василій
 Соответствовать ему.
 Точно также новыхъ плановъ,
 Новыхъ мыслей и основъ
 Не создастъ вамъ ни Вагановъ,
 Ни загадочный Бревновъ.
 Дальше нѣтъ успѣха рынку...
 Кто внесетъ тутъ новый кладъ?
 Не Бакакинъ же волюнку
 Заведетъ на новый ладъ?!
 Впрочемъ, дума, вѣдь, все та же:
 Общій складъ ея таковъ,
 Что мудрить въ ней можетъ даже
 Самобытный Бурдаковъ.
 Списокъ гласныхъ старыхъ—длинень:
 Но еще остался онъ—
 По фамиліи Калининъ,
 А по имени—Андронъ.

Дальше—новыхъ рядъ хозяевъ
 (Всѣхъ ихъ двадцать и одинъ)...
 Между прочимъ, тутъ Нагаевъ
 И Ардашевъ господинъ.
 Есть и тутъ немало пятенъ;
 Выборъ, въ сущности, не новъ...
 Появляется Замятинъ,
 Появился Трубиновъ.
 Изъ уктусскихъ исполиновъ
 Шумно въ гласные проникъ
 Крѣпковыйиный Борчаниновъ,
 Благодарный мучникъ
 Можно дѣла ждать отъ новыхъ,
 Отъ людей различныхъ кастъ...
 Но не Коноховъ въ основахъ
 Измѣненія создастъ!
 Трудно вѣрить слишкомъ смѣло,
 Открывать большой кредитъ...
 Не Онуфриевъ ли дѣло
 Въ пользу общества родитъ?!..
 Вопреки различныхъ слуховъ,
 Нужно просто выжидать...
 Даже, можетъ быть, Обуховъ
 Можетъ что-нибудь создать!
 Кто же тонъ дастъ молодецкій—
 Больше дѣла, меньше словъ?..
 Боголѣповъ, или Поржецкій,
 Или томный Соколовъ?
 Кто проявитъ сильный норовъ?
 Кто покажетъ въ думѣ прыть?
 Можетъ статья, Никаноровъ?
 Иль Шарановъ, можетъ быть?
 Въ общемъ, мысль у насъ такая,
 Что на новый, лучший путь
 Наша дума городская
 Не подумаетъ свернуть.
 Будутъ камень философскій
 Открывать, войдя въ азартъ,—
 Крыжановскій и Красовскій,—
 Кронебергъ и Эбергартъ.
 Будетъ къ дѣлу равнодушень,
 Не создастъ въ немъ перемѣнь
 Добродѣтельный Первушинъ,
 Путешественникъ—спортсмэнъ.
 Противъ принятыхъ инструкцій
 Не пойдетъ изъ пустяковъ
 И химическихъ обструкцій
 Не устроитъ Утяковъ.
 Волъ всѣхъ большихъ кармановъ
 Научившись уступать,—
 Какъ и слѣдуетъ, Заспановъ
 Будетъ мирно засыпать.
 И раздѣльныхъ, ясныхъ звуковъ
 Не стремясь произнести,—
 Не безъ грусти будетъ Жуковъ
 Долю гласнаго нести...

Разгильдяйство... мракъ и тина...
 Въ полной силѣ—торгаши...
 Невеселая картина,—
 Признаюсь отъ всей души!
 Будеть думушка—старуха
 Припадать къ землѣ, какъ пласть,
 Чуть шепнетъ ей кто-то въ ухо:
 «Борчаниновъ, онъ—те дасть!..»

Мистеръ Бумсъ.

Екатеринбургская хроника.

По слухамъ, въ непродолжительномъ времени многіе изъ Екатеринбургскихъ гражданъ будутъ административно высланы изъ города за предѣлы Россійской имперіи и сосѣднихъ съ нею государствъ. Высланнымъ будетъ разрѣшено селиться не ближе, какъ въ Турціи. Основнымъ мотивомъ высылки является необходимость увеличить число свободныхъ квартиръ въ городѣ, такъ какъ иначе квартирный вопросъ грозитъ возбудить неудовольствіе одной части населенія противъ другой, что предоставлено исключительно мѣстному черносотенному союзу.

Г. Аифиногеновъ, предполагая выставить на предстоящихъ выборахъ свою кандидатуру въ городскіе головы, сдѣлалъ попытку взвѣсить шансы возможнаго успѣха на избрѣтвенныхъ имъ самимъ вѣсахъ, введенныхъ въ употребленіе его магазиномъ. Къ сожалѣнію, при взвѣшиваніи, прекрасный инструментъ совершенно развалился.

Бѣдные жители города, по талонамъ городской управы, могутъ пріобрѣтать у г.г. Борчаниновыхъ дешевую, почти ничего не стоющую муку. Необходимо лишь принадлежать къ союзу истинно—русскихъ людей. Передаютъ, что благодарность населенія благодѣтелямъ предложено выразить въ формѣ поднесенія имъ черезъ особую депутацію того брезента, которымъ въ настоящее время прикрытъ памятникъ Александру II.

Сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что калоша № 14, найденная на мѣстѣ Березовскаго грабежа, будетъ примѣряться, при участіи особыхъ экспертовъ, ко всѣмъ гражданамъ г. Екатеринбурга, начиная съ дѣтей 12-лѣтняго возраста. Этимъ путемъ надѣются добиться скорѣйшаго обнаруженія преступника.

Антрепризъ Верхъ-Исетскаго театра не удалось организовать оперу, вслѣдствіе критическаго положенія русскихъ финансовъ. Въ распоряженіи антрепризы оказалось одно на всю труппу незауженное осеннее пальто, почему артисты рѣшили перекочевать на зимній сезонъ въ болѣе теплые края. Въ комитетъ попечительства о народной трезвости получена отъ антрепренера телеграмма съ просьбою выслать денегъ для уплаты прачкѣ и съ извѣщеніемъ, что, вмѣсто оперы, будетъ дана обыденная житейская драма.

Въ альбомы екатеринбуржцевъ.

I.

В. А. Доброхотову.

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой»,
 Не быть вамъ теперь городскимъ головой...
 «Кто скачетъ, кто пляшетъ въ ночной тишинѣ»:—
 Магницкій ликуетъ, доволенъ вполне...

Аметистъ.

II.

Священнику Уфимцеву.

Не ждите радостныхъ извѣстій
 И поощрительныхъ страницъ
 Отъ архиплотовъ, архибестій
 И отъ тому подобныхъ лицъ.
 Вамъ съ ними вѣчно не ужиться:
 У васъ характеръ слишкомъ прямъ;
 Вы не умѣли прислужиться—
 И запретили «службы» вамъ.
 Судьба добра для проходимцевъ,—
 Имъ много чести, много мѣсть...
 Ну, а ужъ вы, отецъ Уфимцевъ,
 На это дѣло... ставьте крестъ.

М. Б.

Предвыборное воззваніе.

(Найдено на Уктусской улицѣ).

Избрать чужихъ людишекъ
 Намъ вовсе не съ руки:
 У насъ «своихъ» излишекъ,—
 На то мы мучники!
 Мы всѣ друзья да сваты
 И сильны всѣ «деньгой».
 А ваши кандидаты—
 Вопросъ совсѣмъ другой.
 Ошибочку такую
 Не сдѣлаетъ мучникъ,
 Чтобъ въ думу городскую
 Чужой субъектъ проникъ.
 Не тѣштесь-ка заботой
 И вовсе безъ программъ,
 Но съ доброю охотой
 Примкните лучше къ намъ.
 Была-бъ тогда—поймите!—
 Всесильна наша рать...
 Вы только помогите
 Намъ **черненькихъ** избрать.
 Въ союзъ при этомъ съ вами
 Охотно мы войдемъ...
 А **бѣленькаго**—сами
 Всегда мы выберемъ!

Списалъ L'homme qui rit.

У телефона

Во время выборов гласных Екатеринбургского уездного земства).

Сцена I.

Тыр-р-р!.. Кто говорит?.. Приходите-ка, Сергѣй Александрычъ, сюда: У насъ тутъ такая политика, Что просто, голубчикъ, бѣда! Внимайте словамъ пригласительнымъ! Субъектъ, непріятный для насъ, Пройдетъ большинствомъ относительнымъ И въ гласные вступить какъ разъ. Судите о томъ,—не потѣха-ли! Сергѣй Александровичъ, другъ, Зачѣмъ вы въ собранье прѣхали Да тутъ-же и выжили вдругъ?.. Вѣдь, это какъ будто не вяжется.. Какъ?.. Надо себя вамъ назвать?.. Юсифа Львовича, кажется, По голосу можно узнать!.. А?.. что?.. Все возня съ пациентами?.. На время ихъ бросить могли-бъ!.. Собранье идетъ съ инцидентами: Иванъ Константинычъ погибъ!.. Что?.. Какъ-же!.. Скандалъ, разумѣется!.. Что?.. Громче!.. Я нѣсколько глухъ.. Нѣтъ! больше людей не имѣется, А нужно для полности двухъ. Сейчасъ къ одному съ эстафетою Пошлемъ изъ управы гонца... А вы прѣзжайте—совѣтую!— Чтобы дѣло довести до конца. Ахъ, нѣтъ!.. Не является трудности!.. Благою причину открывъ, Сумѣемъ, въ виду малолюдности, Сейчасъ объявить перерывъ. Итакъ, прѣзжайте въ собраніе... Какой мнѣ дадите отвѣтъ?.. Фу, чертъ васъ возьми! Наказаніе! Все сладу со станціей нѣтъ!.. Тыр-р-р!.. Кто отвѣчаетъ?.. Центральная?.. Зачѣмъ перервали?—спрошу... Вѣдь, вотъ еще штука фатальная!.. Сто семьдесятъ девять прошу. Тыр-р-р!.. Кто отвѣчаетъ?.. Вы слышите?.. Сергѣй Александровичъ,—вы?.. Что?.. Просто бумагу напишете?.. Ну, нечего дѣлать, увы! Давайте хотя-бы довѣренность, Но только никакъ не отказъ... Имѣйте прямую увѣренность, Что все-таки выберемъ васъ! Спасибо за ваше желаніе Откликнуться намъ на призывъ... Прекрасно! Пока до свиданія! Бѣгу объявить перерывъ!

Сцена II.

Тыр-р-р!.. Кто отвѣчаетъ?.. Центральная? Сто семьдесятъ девять скорѣй! (Вотъ тоже манера нахальная— Задерживать даромъ людей!) Тыр-р-р!.. Кто говоритъ?.. Вотъ мучение! Однако, какой телефонъ! Чужихъ разговоръ смѣшеніе, И шумъ постоянный, и звонъ... Сергѣй Александрычъ,—вы слышите?.. Признаться, долгонько-таки Свое заявленье вы пишете... Мы умерли здѣсь отъ тоски. Что?.. Громче!.. Сейчасъ посылаете?.. Пожалуйста, будьте добры! Тогда мы скорехонько, знаете, Какъ нужно, прокатимъ шары... А то ужъ неловко становится... Къ тому-же и хочется ѣсть... Успѣли во всемъ мы условиться... Одно заявленье ужъ есть... Конечно, конечно!.. Устроится!.. Помилуйте, всѣ мы за васъ! Вамъ повода нѣтъ беспокоиться... Такъ, значитъ, пришлете сейчасъ? Я васъ поздравляю заранѣе,— Сомнѣній не можетъ быть тутъ!.. Бѣгу успокоить собраніе Еще на пятнадцать минутъ!

Сцена III.

Тыр-р-р!.. Кто отвѣчаетъ?.. Центральная? Сто семьдесятъ девять прошу... Сергѣй Александрычъ! формально я Успѣхъ объявить вамъ спѣшу. И, надо признаться, дѣйствительно, Все ловко сошло въ этотъ разъ! Остался за флагомъ рѣшительно Субъектъ, непріятный для насъ. Что?.. Громче!.. Какая милиція?.. Что?.. Обыски?.. Сбились съ ногъ?.. Да кто отвѣчаетъ?.. Полиція?! Не нужно! не нужно! звонокъ!

Мистер Гумс.

* * *

Вѣря каждому невѣждѣ,
 Говорили люди прежде,
 Что-де рыжій, красный—
 Человѣкъ опасный.
 Стали многіе позднѣе
 Говорить еще сильнѣе:
 Всякій-де, молъ, «красный»—
 Человѣкъ опасный.
 По какой такой причинѣ
 Говорятъ нерѣдко нынѣ,
 Что солдатъ запасный—
 Человѣкъ опасный?

Милый.

Телеграммы „Рубина“.

Пермь. Директоръ мужской гимназіи Алфіоновъ удаленъ «на покой». Помѣщеніе гимназіи провѣтривается. Воспитанники, въ ознаменованіе событія, сооружаютъ на собственыя средства икону одного изъ чудотворцевъ.

— Помощникъ юрисконсульта пермской желѣзной дороги, адвокатъ Вѣлорусовъ, получивъ отъ своего патрона, С. А. Бибинова, 50 руб. пособія за первый мѣсяцъ услуженія, —пріобрѣлъ себѣ новыя нравственныя правила, которыя и вывѣсилъ на видномъ мѣстѣ своей фізіономіи. Прохожіе сторонятся. Адвокатъ Павловъ—виѣ себя отъ зависти. Другіе коллеги служителя рѣшили честить его по достоинству.

Челябинскъ. Въ «бесплатной школѣ», учрежденной въ память открытія Государственной Думы (27 апрѣля 1906 г.), введена плата за право обученія. Предполагается, что мѣстные муниципальные дѣятели будутъ брать въ школѣ уроки здраваго смысла и гражданской доблести.

Туринскъ. Обыватели преисполнены благоговѣнія къ исправнику Чешко, бывшему Гомельскому погромщику, и находятъ свои дома недостойными принять такую «громкую» особу. Поэтому Чешко обитаетъ на улицѣ, подъ чрезвычайной охраной. По слухамъ, въ непродолжительномъ времени, для его квартиры будетъ выстроена на казенный счетъ отдѣльная конура.

Шадринскъ. Провожали бывшего исправника. Въ городской думѣ былъ устроенъ завтракъ. Сладкое состояло изъ плодовъ черносотенной агитаціи. Нѣкоторые съ восторгомъ цѣловали шашку г. исправника, который отвѣчалъ на это простонародными выраженіями и зуботычинами.

Камышловъ. Розыски похищеннаго съ желѣзнодорожной станціи оружія усѣбно производятся. Установлено, что похищеніе было дѣломъ человѣческихъ рукъ. Задержано около сотни подозрѣваемыхъ лицъ, изъ которыхъ, въ моментъ совершенія преступленія, ни одного не было ни въ самомъ городѣ, ни въ его окрестности на 100 верстѣ.

Верхотурье. Сбѣжалъ подвижникъ Федотушка и съ нимъ три женщины, признанныя имъ за «братьевъ». Подозрѣвается чудотворство. Надѣются на скорое отысканіе мощей подвижника.

Курганъ. Въ одинъ несчастный день любители поставили пьесу подъ заглавіемъ «Счастливый день». Усмотрѣвъ крамолу, городской требовалъ сообщить ему цифру выручки отъ спектакля. Удовлетворили двугривеннымъ.

Кушва. Учреждается колонія горныхъ инженеро-въ. Желющихъ много. Заводскія дѣйствія сокращаются, такъ какъ

главнѣйшее вниманіе рѣшено обратить на устройство питомниковъ для г.г. инженеро-въ. Среди населенія идетъ агитація въ пользу переименованія «инженеро-въ» въ «пенсіонеро-въ». Полиція недоумѣваетъ.

Нейво-Шайтанскій заводъ. Заводскій служащій Закожурниковъ рекомендуетъ воздвигнуть памятникъ «въ честь» пожара, истребившаго 12 іюля все заводскіе принасы. Въ благодарность за такое вниманіе, волостной сходитъ рѣшилъ почтить самого Закожурникова, еще при жизни, водрузивъ его портретъ на стѣнѣ волостной кутузки.

Талицкій заводъ. Въ министерскомъ училищѣ съ успѣхомъ преподаются уроки наказаній. Дѣтвора имѣетъ весьма хорошія «отмѣтки».

Кыштымскій заводъ.

Въ поляхъ и лѣсахъ своей дачи, равной по пространству пяти германскимъ герцогствамъ, кыштымское заводоуправленіе устроило нѣсколько сотъ вычурныхъ скворечницъ...

—Чтобы бѣдные скворушки не тратили зря время, а прямо лѣзли въ готовый домикъ...

Зато рабочіе пользуются у заводоуправленія значительно мевшимъ вниманіемъ. Съ весны они получали плату желѣзомъ, а теперь нѣтъ ни желѣза, ни денегъ. На «нѣтъ»—и суда нѣтъ. Заводоуправленіе же, по его увѣреніямъ, кромѣ добродѣтелей, ничего иныѣ не имѣетъ. Между тѣмъ, все металлы проданы, золото съ Соймы тоже, получена казенная ссуда въ 320 тыс., а деньги—въ безвѣстной отлучкѣ. На 3 октября заводы назначены къ продажѣ съ аукціона. Свободны отъ описи только нѣсколько шкафовъ съ долговыми обязательствами. Можно еще прибавить, что работы въ заводѣ давно сокращены вдвое, а штатъ служащихъ въ конторахъ новымъ бухгалтеромъ тоже вдвое увеличенъ... (столичными пріятелями).

До сихъ поръ иностранцы ѣздили учиться финансовой политикѣ въ Екатеринбургское городское самоуправленіе, но теперь у нихъ есть болѣе блестящій образецъ для науки.

За недѣлю.

Передъ городскими выборами обыватели заволновались: Неужели у кормила останутся старые хозяева города?

И рѣшили сѣорганизоваться для противодѣйствія темной «взаимно-кредитной партіи». Богъ проститъ имъ ихъ наивность: они не знали городского положенія и не посмотрѣли въ списокъ избирателей—сколько «тѣхъ» и сколько «оныхъ». Но шумъ сдѣлалъ большой. Даже стародумцы обезпокоились:

— Надо и намъ выставитъ платформу. Нельзя безъ платформы. Такое теперь время. И потомъ, что эта самая платформа стоитъ? Пятитка—писарю...

Съ испугу одинъ изъ нихъ выставилъ не только платформу, но и нѣсколько мѣшковъ муки.

— Для несчастныхъихъ!.. Для бѣдняковъ... Потому, они, бѣдняки, тоже люди, ежели хорошенько посмотрѣть...

Программа была выработана въ одну темную ночь и вынесена на свѣтъ Божій. Оказалась хорошей, «крупчатной» программой: все блага для жителей, а для себя одни неприятности.

Стародумцы побѣдили.

Первое же засѣданіе послѣ выборовъ «не состоялось, за неприбытіемъ законнаго числа».

Старая дума опять отдыхаетъ.

— Будетъ! потрудились... Программу выработывали, муку сулили... Довольно и этого...

Иностранцы давно были заинтересованы уральскими драгоценными камнями.

И при первом удобном случае они пожаловали сюда для их добычи, основавшись в лесной Бьляерской даче Екатеринбургского уезда среди «добрых русских поселань».

Но добродушные русские поселане оказались вскорѣ далеко не такими великодушными существами, как о них думали иностранцы, прѣхавшіе в патриархальную, неиспорченную цивилизацію страну.

Когда у «нѣмцевъ» накопилось достаточно изумрудовъ, мѣстные «пейзаны» пришли съ колыями и складъ изумрудовъ разграбили...

Довольно подивившіеся смѣливости русскаго мужичка, «нѣмцы» устроились тогда по-другому. Точно такъ-же, какъ устранивались первоначально колонисты въ американскихъ преріяхъ.

Изъ присковъ устроили фортъ, обнесли его высокимъ заборомъ, рвами, колючей проволокой и настроили волчьихъ ямъ. Поставить въ фортъ пулеметы правительство имъ, кажется, не разрѣшило. Пулеметы—его собственная привиллегія. Зато ружья на прискахъ имѣются въ каждомъ жилищѣ. Но это, все-таки, не спасаетъ отъ хищеній.

«Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна сноровка».

Хищенія производятся, и, какъ утверждаетъ г. Лиевель письмомъ въ редакцію «Ур. Ж.»,—достигаютъ не менѣе 100 тысячъ рублей.

А, можетъ быть, и больше.

Мужички, работающіе на прискахъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ глотанію изумрудовъ.

Компанія ходатайствовала о разрѣшеніи рентгенизировать рабочихъ, но медицинскій департаментъ этого не разрѣшилъ.

До тѣхъ поръ, пока не изобрѣтутъ безвреднаго способа «смотреть въ желудокъ», бьляерскіе мужички могутъ быть спокойны. Точно также и ихъ покупатели...

Не довольствуясь хищеніями, мужички стали поддѣлывать изумруды.

Если нѣмецъ выдумалъ обезьяну, то выдумать изумрудъ нашему «Ивану» ничего не стоитъ.

Для этого онъ беретъ бутылочное стекло, шифуетъ его и идетъ на станцію Баженово продавать—за настоящій изумрудъ.

Изъ путешествующей же публики всегда находятся любители драгоценныхъ камней, не умѣющіе отличать ихъ отъ бутылочнаго стекла...

Л. Магній.

Цѣна номера въ розничной продажѣ 15 коп.

Продолжается подписка

на большую ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, общественную и литературную газету

„Уральскій Край“.

Выходитъ въ г. Екатеринбургѣ ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ.

Подписная цѣна съ 1 октября до конца года 1р. 50 к.

Подписка принимается въ Екатеринбургѣ, въ конторѣ редакціи—Покровскій пр., домъ Бархина, № 23.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новую ЕЖЕДНЕВНУЮ газету

„ГОЛОСЪ ПРИУРАЛЬЯ“.

Направленіе газеты—Прогрессивное.

Газета будетъ издаваться въ г. Челябинскѣ.

Пробные номера будутъ выданы въ октябрь мѣсяцъ, а съ 1-го Ноября газета будетъ выходить ежедневно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

со дня выхода газеты до 1-го Января 1907 г.—1 50 к. на годъ 6 р. Подписавшіеся на газету со дня выхода до 1-го Января 1908 года уплачиваютъ 7 руб.

Подписка принимается въ г. Челябинскѣ въ конторѣ редакціи: Большая улица, при типографіи Бреслина.

Редакторъ В. А. Весновскій. Издатель А. Б. Бреслинъ.

Художественно-литературный и сатирическій

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУБИНЪ“

выходитъ еженедѣльно въ г. Екатеринбургѣ.

Подписная цѣна съ 1 октября до новаго года 1 р. 50 коп.

Контора редакціи временно помѣщается въ д. Вурмъ, по Покровскому пр. (отъ 11 до 2 час. дня).

Въ Перми приемъ подписки и объявленій, а также и розничная продажа №№— у Е. И. Вайнеръ (Сибирская, д. Аксенова).

Издатель: А. Н. Лаврухихъ.

Редакторъ П. Я. Блиновскій.

